

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Исполнилось 75 лет со дня смерти Федора Михайловича Достоевского. Память великого русского писателя вместе с советским народом чтит все прогрессивное человечество, ценя в Достоевском сурового реалиста, обличителя социального зла, порожденного эксплуататорским строем, певца униженных и оскорбленных.

По силе изобразительности, по умению с потрясающей правдивостью воссоздать картины жизни современного ему общества, мысли, чувства и переживания людей Достоевский занимает одно из первых мест в литературе. Его творчество вошло в сокровищницу мировой художественной литературы.

Натура чуткая, отзывчивая, подвижническая, Федор Достоевский будил своим то гневным, то скорбным художественным словом гражданскую ненависть к поработителям и вызвал о помощи страждущим и обездоленным. Но истинных путей к освобождению человечества от гнета и насилия Достоевский не видел и пришел к христианской идеологии смирения и покорности.

Современники Достоевского и его идейные противники — русские революционные демократы хорошо знали: христианской слезой общественной грязи не смоешь. Карамазовых и Смердяковых не обратишь в праведников, буржуазного хищника не устыдишь кротостью и терпением.

Чтобы очистить человечество от язв и пороков, привитых эксплуататорским обществом, нужны иные, более радикальные средства. Революционные демократы неутомимо боролись за то, чтобы пробудить в массах народа чувство высокого человеческого достоинства, укрепить веру трудящихся в свои силы, поднять их на революционную борьбу против старого, прогнившего мира.

И в этом важном историческом деле, вопреки субъективному устремлению автора, большую помощь прогрессивным силам оказывали лучшие художественные произведения Достоевского, проникнутые пламенным обличением общественного зла.

Достоевский ошибался во многом. Но он никогда не ошибался в главном и самом задушевном желании всей своей жизни. «Я не хочу мыслить и жить иначе, — писал он в 1876 г., — как с верой, что все наши девяносто миллионов русских... будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы». И вот именно социализм, против которого сам художник выступал неоднократно в своих произведениях, претворяет мечты лучших умов человечества в реальность.

С высоты завоеваний, достигнутых лагерем мира, демократии и социализма, завоеваний, коренным образом изменивших соотношение сил социального добра и зла, трудящееся человечество отчетливо различает, в чем сила и слабость Достоевского. Оно видит, что в наследстве этого писателя составляет действительно непреходящие ценности мировой художественной культуры и что в нем принадлежит прошлому, порождено мучительно трудным «переломным» временем, в которое жил Достоевский, или навеяно личными реакционными заблуждениями писателя.

В Музее-квартире Ф. М. Достоевского в книге отзывов есть такая запись: «С огромным интересом мы осмотрели музей. Который наглядно и убедительно показывает величие и трагедию замечательного писателя». Глубоко правы слова! Они удивительно метко определяют две главные черты, резко контрастирующие в духовном облике и творчестве Достоевского.

Да, именно так — величие и трагедия. Суровое величие мощной и настолько прозорливой художественной силы, что она, как прожектором, освещала самые темные и глухие закоулки общественного зла. И мучительная трагедия той же самой силы, которая как бы заперта в клетке реакционных убеждений, извернулась в творческой мощи человека, в его благородном и высоком назначении и потому бессильна указать реальный выход из тех общественных противоречий и бедствий, остроту которых она так глубоко чувствует. Эта могучая сила поминутно бьется за решетками клеток, содрогается и трепещет от гражданского гнева при виде мучительства и попирания человека человеком. Кажется, еще один удар, еще одно усилие — и эта сила сломает клетку и вырвется на простор. Но она... насильственно смиряет себя и затихает обесиленная!

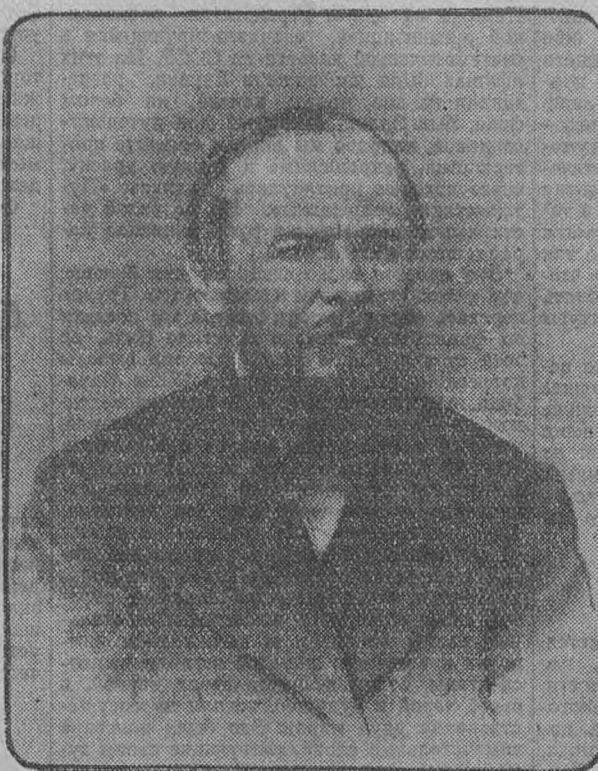
...Жизнь этого гениального художника сложилась сурово. Он выступил в литературе еще при крепостном праве, в середине 40-х годов прошлого столетия. Его первая, проникнутая гуманизмом повесть «Бедные люди» была восторженно встречена Некрасовым и Белинским.

Нарастание революционного движения в Западной Европе, революционно-демократическая проповедь Белинского, интенсивная работа передовой русской мысли, кружок Петрашевского, к которому примыкал Достоевский, мощный прилив в 30-х и 40-х годах художественного творчества в России и на Западе — все это оставило неизгладимый след в сознании Достоевского, обратило его взор к страждущей части человечества, к бедным, забитым и приниженым людям, утвердило писателя на позициях критического реализма. Но Достоевский отошел от освободительного движения на решающем передоме своего жизненного и творческого пути.

Революция 1848 года обманула надежды жаждущих социальной справедливости. Она принесла победу не трудящимся, а буржуазии и породила в тогдашних революционных кругах драму всемирно-исторического значения, обусловленную, по словам В. И. Ленина, «...крахом буржуазных иллюзий в социализме». Эту драму

мучительно пережил Герцен. В известной мере она коснулась и Достоевского.

Из этой драмы открывалось два исхода. Или вперед, от утопического социализма и буржуазной демократии в направлении к научному социализму. Так шел Герцен. Или назад, в плен мистики, скептицизма и сомнения вообще в возможности революционного переустройства общества. Так пошел Достоевский.

Федор Достоевский

Многотлетняя царская каторга и ссылка за принадлежность к кружку Петрашевского надломил Достоевского. Хотя у него еще достаточно осталось «и сил, и жару, и поэзии», чтобы после каторги и ссылки снова приняться за творчество, но многое и очень важное в его мировоззрении было утрачено им навсегда и приобретено такое, что делало его положение поистине трагическим.

Зрелый и самый яркий период творчества Достоевского, снижавший ему мировую известность, приходится на двадцатилетие после крестьянской реформы 1861 года. Это была переломная в истории России эпоха, когда старые, «обжитые», но давно подмытые властью денег устои патриархальной жизни стали у всех на глазах быстро распадаться, а «новые», то есть буржуазные, отношения прокладывали себе дорогу в самых хищнических и цинично жестоких формах. Достоевский видел: на Россию «находила новая проза, наступала новая беда, — «золотой мешок»!».

На плечи простого народа наряду с тяжестью самодержавно-крепостных порядков, державших еще во всей силе, легла тяжесть капиталистического гнета и разнузданного буржуазного хищничества.

В своих лучших произведениях пореформенного времени — в «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Подстрек» и «Братьях Карамазовых», в таких шедеврах, как повесть «Кроткая» и другие, Достоевский правдиво осветил многие существенные стороны этой эпохи. Он выразил и безмерность страданий городского «среднего» люда — разночинцев, мещанства — и психологию отчаяния этих слоев, их потуганность и бессилие самостоятельно выбраться из ада эксплуататорских отношений, грозящих каждую минуту отправить их «на дно».

«Достоевский обладал огромной силой художественной изобразительности. В «Записках из мертвого дома» он воссоздал такие потрясающие картины из жизни царской каторги и такие глубоко трагические портреты страдающих людей, что это произведение по праву воспринималось как обвинительный приговор всему самодержавно-крепостническому строю.

В «Преступлении и наказании» он показал «задний двор» царского Петербурга — трущобы, подвалы и чердаки, где дети не знали, что такое детство, где матери уже перестали плакать, потому что выплакали все слезы, где в глухом безмолвии отчаяния ломались и сгорали тысячи человеческих судеб. На этом скорбном фоне Достоевский изобразил суровую по своему внутреннему драматизму, но бесплодную по своим результатам «битву» разночинца-одиночки Раскольникова за право жить. В этом выдающемся произведении сказались и слабые стороны творчества художника, приведшего своего героя в лono христианской церкви, к идеям смирения и всепрощения.

Достоевский глубоко и правдиво показал развращающую силу буржуазного общества и безропотность человека-одиночки в условиях «войны всех против всех». Он ненавидел и проклинал эту подлую «войну», но, будучи не в состоянии понять ее классовые корни, обращался к богу, осуждал революционную борьбу, проповедовал смирение, идеализировал пережитки патриархальщины. А это наложило печать двойственности на его мировоззрение, внесло мотивы смятения и надрыва, диссонансы и противоречия даже в его лучшие произведения.

Ознакомившись с «Идиотом», Шедрин

совершенно справедливо писал о Достоевском: «По глубине замысла, по ширине задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель стоит у нас совершенно особняком». Но «внутренний раскол», свойственный Достоевскому, приводит к тому, что «с одной стороны, у него являются лица, полные жизни и правды, с другой — какие-то загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от гнева...».

Эта двойственность Достоевского и обусловила то, что через всю русскую передовую и демократическую культуру, начиная с Белинского и кончая Горьким, идет решительная борьба с той проповедью идеологии «смирения и покорности», перед властью угнетателей, в угоду которой Достоевский нередко поступался художественной правдой.

Федор Михайлович Достоевский, по словам Горького, «так изумительно тонко чувствовал силу зла, что казался творцом его». В типах Свидригайлова из «Преступления и наказания», старика Карамазова и Смердякова из «Братьев Карамазовых», этих сладострастников и плакаторов, потерявших человеческий образ, Достоевский осветил такую бездну нравственного падения человека, развращенного помещичье-буржуазной действительностью, в которую до него вряд ли кто заглядывал.

Тонкий мастер идейно-психологического портрета, Достоевский разносторонне и глубоко обрисовал склад души и характера человека воплощающего в себе мерзость буржуазного образа жизни, хищника и стяжателя, карьериста и циника. Писатель продолжил художественную летопись об одном из основных героев буржуазной литературы, показал крушение буржуазного индивидуализма. В образах человека «из подполья», Ивана Карамазова и других издал этого героя у последней черты — на грани человеконенавистничества. Дальше такому отщепенцу идти было некуда. И этот глубокий вывод делает честь прозорливости русского писателя, предугадавшего развитие такого «героя» на многие десятилетия вперед.

В ряде своих романов и повестей Достоевский неотступно обращался к образу русской женщины-страдальницы, к ее сильному, гордому, великодушному и пленительному по задаткам характеру, но изломанному бесправной жизнью и оскорбленному в своих самых высоких порывах. Таковы образы Катерины Ивановны Мармеладовой в «Преступлении и наказании» и Настасьи Филипповны в «Идиоте». Не менее значителен и образ «Кроткой» в одноименной повести. «Просто плакать хочется, когда... читаешь, — говорил Шедрин о «Кроткой», — таких жемчужин немного во всей европейской литературе».

В произведениях Достоевского сравнительно широко изображена духовная жизнь его современников, их идейные искания и разочарования. Великолепны его сцены, разоблачающие своекорыстие либералов, отступничество и предательство буржуазных индивидуалистов, принимавших личную «дружбу народа».

Но Достоевский не хотел видеть того великого, что несло с собой русское освободительное движение, грубо и тенденциозно нарушал правду жизни и потому нередко выпадал в надуманную карикатуру и вымученный злобный памфлет. В итоге появлялись произведения типа «Бесов», в которых Достоевский клеветал на деятелей освободительного движения 60—70-х годов.

Писатель хорошо знал быт и нравы мелкого мещанского городского люда, чрезвычайно пестрого по составу различного слоя, которых эксплуататорский строй мыл, давил, ломал, а вместе и развращал, урождал нравственно, заражая пороками стяжательства, цинизма, жестокости и злобствующего недоверия ко всему высокому и прекрасному.

Но Достоевский не знал сколько-нибудь глубоко сокровенных дум и непосредственных нужд коренной трудящейся России, России крестьянина и рабочего, как их знали Толстой, Некрасов, Шедрин, Глеб Успенский, затем Горький. А именно в этих слоях общества совершалась в пореформенную эпоху великая историческая работа, именно здесь копились горы гнева и ненависти против господствующих классов и вырабатывался тот могучий русский характер, который коренным образом изменил строй русской жизни. Не случайно в романах Достоевского, относящихся к пореформенной эпохе, мы почти не встречаем ярких народных типов, в которых выразился бы ход народной жизни вперед по сравнению с крепостной эпохой. Коренная трудящаяся Россия выступает в произведениях Достоевского лишь как пассивная масса, вызывавшая к состраданию. А в реальной жизни она все активнее и все сознательнее заявляла себя в пореформенную эпоху уже как репающая сила русской истории.

Наблюдая в детстве, почти в те же годы, русскую жизнь «снизу» и обобщая в дальнейшем свои ранние впечатления, Горький говорил: не тем только изумительна была эта жизнь, что в ней накопилось столько «свинцовых мерзостей», но и тем, что сквозь этот «свинцовый» пласт победно прорастало «яркое, здоровое и творческое». Трагедия Достоевского была в том, что он не видел бурного роста и развития этих творческих сил.

Отвергая в наследстве Достоевского мистику, идеализацию страдания, пессимистические настроения, советские люди высоко чтут подвиг писателя, сказавшего великое слово правды в защиту «униженных и оскорбленных».

В. ДОРОФЕЕВ.

На снимках: кабинет Ф. М. Достоевского в его последней квартире в Петербурге. Иллюстрация Д. Шмаринова к роману «Преступление и наказание». Раскольников (справа).